

Исследовательская статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-2-26-63-72>

КОНЦЕПТ БЕЗОПАСНОСТИ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ТУРЦИИ

Сергей Александрович Давыдов

МГИМО МИД России, Москва, Россия
davydov.s.a@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5751-0306>

Аннотация. Анализ эволюции подходов к вопросам безопасности в истории философии и культуры Турции помогает пролить свет на ход развития основных теорий и идей, которые служили катализатором данного процесса, что особенно актуально в контексте относительной «закрытости» турецкого политического истеблишмента и основополагающих внешнеполитических документов. Кроме того, данное исследование направлено на анализ ряда проблем, связанных с изменениями внешнеполитического курса Турецкой Республики, и может дать более актуальное понимание логики действий Анкары. Предметом данной работы является философско-теоретическое обоснование подходов турецкого государства к осуществлению политического курса в отношении вопросов безопасности. Основным методологическим инструментом в данной связи видится применение историко-хронологического и историко-генетического метода — их использование позволит рассмотреть и выделить причинные факторы эволюции подходов Турции к обеспечению собственной безопасности. Новизна исследования заключается в том, что вопросы эволюции концепта безопасности в турецком политическом дискурсе мало затрагиваются в отечественной туркологии и в основном не выходят за пределы внешнеполитического курса правящей в XXI в. Партии справедливости и развития; данное исследование же ставит своей целью комплексное изучение вопросов безопасности в перспективе турецкой истории от ранних дней Османского бейлика до современной Турецкой Республики. Это позволяет сделать вывод о постепенном изменении концепта безопасности в зависимости от внешнеполитической повестки дня Турции и целей правящих кругов турецкого государства.

Ключевые слова: Турецкая Республика, безопасность, османизм, кемализм, пантюркизм, неосманизм, восточный аристотелизм

Для цитирования: Давыдов С.А. Концепт безопасности в истории и культуре Турции // Концепт: философия, религия, культура. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 63–72. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-2-26-63-72>

Research article

THE CONCEPT OF SECURITY IN TURKISH HISTORY AND CULTURE

Sergei A. Davydov

MGIMO University, Moscow, Russia
davydov.s.a@my.mgimo.ru<https://orcid.org/0000-0002-5751-0306>

Abstract. An analysis of the evolution of academic approaches to security issues in Turkish politics will help shed light on the development of Turkish political thought and the main theories and ideas that served as a catalyst for this process. This study is especially relevant in the modern context when the Turkish political establishment is regarded as *more private* and the underlying foreign policy documents are primarily classified. In addition, this study is able to give a new evaluation of a number of problems related to changes in the foreign policy of the Republic of Türkiye and provide a more relevant understanding of the logic behind Ankara's actions. The subject of this paper is the philosophical and theoretical justification of the Turkish state's political approach to security issues. The main methodological tools in this regard seem historical-chronological and historical-genetic methods — their use will allow to consider and highlight the causal factors in the evolution of Turkey's approaches to ensuring its own security. The novelty of the research lies in the fact that the issues of the evolution of the security concept in the Turkish political discourse have been little addressed in Russian Turkology and mainly do not go beyond the foreign policy of the ruling Justice and Development Party. The present paper aims at a comprehensive study of security issues in the perspective of Turkish history from the early days of the Beylik of Osman to the modern Republic of Türkiye. The conducted research shows that Turkish political thought has gradually changed according to Türkiye's foreign policy agenda and the goals that the ruling circles of the Turkish state set for themselves throughout its history.

Keywords: the Republic of Türkiye, security, Ottomanism, Kemalism, Pan-Turkism, Neo-Ottomanism, Eastern Aristotelianism

For citation: Davydov, S. A. (2023) 'The Concept of Security in Turkish History and Culture', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 7(2), pp. 63–72. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-2-26-63-72>

Проблематика данной статьи обусловлена малой изученностью турецкой философской мысли в вопросах, касающихся безопасности. Существует значительный ряд научных работ, которые затрагивают общие вопросы генезиса турецкого политического курса и его дальнейшую эволюцию [Философский концепт "Дилеммы...", 2022; Литвинов, 2012]. Однако «турецкое» восприятие безопасности остаётся малоисследованным. С одной

стороны, это связано с отсутствием фундаментальных трудов османских или турецких авторов, которые затрагивали бы отдельные аспекты политической культуры государства и общества. С другой стороны, анализ подходов турецкого государства к политике на раннем этапе существования (в его бытность Сельджукской империей или Конийским султанатом) в рамках идей западной философии не представляется возможным — хотя османская философия

испытала на себе определённое влияние западной философской мысли, её полноценный синтез пришёл на XIX в., когда зависимость Порты от «первых скрипок европейского оркестра» существенно возросла.

В связи с комплексностью поставленной выше проблемы в работе будут затронуты исследования из различных научных отраслей. Для анализа ранних этапов становления османской политической и философской мысли будут преимущественно использованы работы отечественных историков по турецкой проблематике (Д.Е. Еремеев и М.С. Мейер)¹. В части, связанной с поздними годами Османской империи и годами становления Турецкой Республики, акцент также будет сделан на исторических и политологических работах отечественных [Ермекебаев, 2018; Киреев, 2007] и зарубежных авторов [Смит, 2002; Хобсбаум, 1998; Dawn, 1961; Karpat, 2002], основной фокус внимания которых направлен на философско-политическое и социокультурное измерение идеологии национализма, закреплявшейся в Турции той эпохи. Наконец, для анализа современных турецких подходов к теме безопасности будут использоваться политические и философские труды иностранных [Özpek, Tanriverdi Yaşar, 2018; Saklı, 2011] и отечественных авторов [Аватков, Сбитнева, 2022; Надеин-Раевский, 2016; Чешко, 2001; Янченкова, 2019]; данные работы посвящены преимущественно исследованиям националистических тенденций в политической культуре различных государств, а также изучению философии «умеренного» («политического») ислама, который применяется в турецкой политике в настоящее время.

Анализ концепта безопасности в турецком политическом дискурсе с точки зрения аксиологии поможет определить место «ценности безопасности» в турецкой политической культуре, выявить его связь с

ходом турецкой истории. Не менее важная задача исследования состоит в попытке проследить влияние на формирование и эволюцию данного концепта историко-культурного контекста. И наконец, предстоит проследить, как «ценность безопасности» связана с «ценностью религии», и как последняя влияла на генезис первой. Стоит отметить, что османская политическая мысль напрямую проистекала из арабских религиозных учений, которые являлись доминирующей формой философской мысли на территории современного Ближнего Востока. Более того, османский султан (являвшийся также и халифом всех правоверных) не мог игнорировать религиозный аспект при экспликации своей политической доктрины, особенно если речь шла о вопросах внутренней юрисдикции.

Для более отчётливого понимания эволюции концепта безопасности необходимо обозначить водоразделы между периодами турецкой (османской) истории. Логичным представляется опора на кризисы и системные изменения в турецком государстве, когда, например, происходила эволюция существовавших ценностей или же полное избавление от них и замена новыми.

В качестве первого периода можно условно выделить «османский период» — с момента появления бейлика Осман в 1299 г. и до провозглашения республики в 1923 г. В свою очередь, данный период уместно разбить на подпериод Танзимата, длившийся с 1839 до 1876 гг., и время правления младотурок (1908–1918 гг.); и Танзимат, и младотурецкий подпериоды соответствуют парадигме «османского периода», поскольку существенных изменений метафизических основ отношения к власти и теме безопасности в это время не наблюдается. Здесь ключевым элементом является сакральное отношение к султану (власти) — будучи халифом всех правоверных и представителем мусульманской

¹ Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в Средние века и Новое время: учебное пособие. — Москва: Изд-во МГУ, 1992. — 246 с.

уммы, османский султан являлся выразителем некоей «общей воли» мусульман²; его решения, пусть даже самые незначительные, считались истиной в последней инстанции, поскольку были направлены на благо мусульманского мира.

Следующий период — промежуток между 1923 и 1960 гг., — противоположность предыдущего, когда прослеживается системное избавление от османских институтов, повлекшее за собой переход к национализму «по французскому образцу» и секуляризацию «сверху». В качестве отдельного подпериода внутри данного можно выделить 1938–1945 гг., когда политическая культура Турции претерпевала существенные изменения из-за нежелания руководства втягивать государство в новую мировую войну. Происходит радикальная смена ценностей — власть султана более не была сакральной; массовая секуляризация турецкого общества сделала институт султанства маргинализированным пережитком, ровно как это произошло и с религиозными институтами. Главной ценностью провозглашались «шесть стрел кемализма» — а их главенствующую роль защищали турецкие вооружённые силы и новая республиканская конституция.

Военный переворот 1960 г. завершил «период кемализма» и дал начало новому, продлившемуся до 2002 г. периоду, где кемализм уже не выступал основным столпом системы, а «боролся за своё выживание» на турецкой политической арене, где происходило столкновение между различными движениями и идеологиями, влияние которых негативно сказывалось на стабильности государства. Однако кризисы внутриполитической повестки Турции лишь наглядно продемонстрировали, что значительная часть населения страны не разделяла принципы «шести стрел»³.

Таким образом, с 1960 года в турецком государстве начинается конфликт трёх ценностных парадигм — гражданской принадлежности, национализма на основе тюркской идентичности и единства на основе конфессии.

На современном этапе (с 2002 г.) риторика официальных представителей Турецкой Республики всё чаще и чаще обращается к таким понятиям, как «неотъемлемые турецкие интересы», «обеспечение национальной безопасности», «единство турецкого народа» и им подобным фразам, который оставались неизменными для турецкого политического дискурса на протяжении долгих лет — фактически, на данном этапе продолжается конфликт трёх вышеуказанных парадигм; его разрешение, однако, уже не ограничено рамками внутренней политики — активная экспансия пантюранистских и неоосманистских идей вынуждает задать вопрос о том, не изжили ли себя теперь уже и ценности кемализма.

Ценностно-идеологическая опора политического процесса в Турции всегда была важнейшей для его дальнейшего функционирования. Несмотря на наличие нескольких значительно отличающихся друг от друга идеологий (османизм, тюркизм, кемализм, тюркоцентричный национализм, неоосманизм, где главным отличием является вопрос о принадлежности к определённой конфессии, нации или гражданству) [Аватков, Сбитнева, 2022: 293] и их центральную роль для диаметрально противоположных периодов турецкой истории (например, зулум⁴ и республиканизм Ататюрка⁵), определённый набор ценностей и идей существующего периода происходил из ушедшего. Исключением из данного правила является концепт безопасности, который всегда был центральным для турецкой (османской) политики.

² Д.Е. Еремеев, М.С. Мейер. История Турции в Средние века и Новое время. – Издательство Московского университета, 1992. – С. 96.

³ Киреев Н.Г. История Турции. XX век. – Москва: Крафт+, 2007. – С. 316.

⁴ Зулум — период единоличного правления султана Абдул-Хамида II, характеризовавшийся отходом от реформ Танзимата и возвратом к диктатуре и закончившийся младотурецкой революцией в 1908 г.

⁵ Республиканизм в «чистом виде» существовал с 1923 г. до начала 1940-ых гг.; фактически, кемализм начал испытывать влияние других идей со смертью его основателя, скончавшегося в 1938 г.

Его важность, которая продолжала (и продолжает) последовательно увеличиваться, проистекает не только из истории турецкого государства, которое, будучи империей на своём пространстве, сталкивалось как с внутренними, так и внешними вызовами, но и первоисточником османской политической мысли — религии. Первые османские философы были арабской или персидской крови (например, Джаладдин Руми), и их идеи проистекали из ранних исламских теологических и философских трудов.

В этой связи нас интересует *фелсефе*, или, как её именуют в западном философском дискурсе, *восточный аристотелизм*⁶. Расцвет идей фелсефе пришёлся на годы активной экспансии Порты, когда Османская империя подчинила себе значительную часть Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, тем самым включив в свой состав территории, чьё население и этнически, и религиозно отличалось от господствующего этноса. Стремление к созданию справедливого государства (*мадина ахль*), являющееся одним из основных положений *фелсефе*, чётко проявляется в веротерпимости османского государства. Подобная политика имеет под собой не только твёрдую философскую, но и политическую основу — рост сепаратизма (на религиозной или политической основе) может привести к снижению влияния империи (что видно на примере греческих и болгарских освободительных движений в XIX–XX вв.) на территориях, далёких от её центра.

С другой стороны, сторонники *восточного аристотелизма* отрицали существование универсалий вне человеческого разума (например, Ибн Рушд (Аверроэс) пишет, что «универсалии существуют вне ума потенциально»⁷). В этой связи возникает справедливый вопрос — а как тогда

учёные умы Османской империи мыслили безопасность? Фелсефе не существовала в вакууме, а формировалась под сильным и продолжительным влиянием диалектики греческой школы. В этой связи логично заключить, что безопасность на значительном этапе турецкой истории мыслилась как нематериальный концепт, лишь частично опирающийся на «классическое» («военное») восприятие безопасности.

Таким образом, сохранение безопасности в Османской империи в XIII–XVII вв. было возможно лишь через поддержание единства населения — как было отмечено выше, создание единой религиозной идентичности для населения империи не являлось жизнеспособной стратегией в долгосрочной перспективе; именно поэтому раннеосманский дискурс безопасности имел внутривнутриполитическую, а не внешнюю природу, даже несмотря на существенный уровень «христианской угрозы» на западных границах империи.

Развивая данный тезис, также необходимо отметить и практику законодательно закреплённого братоубийства по т.н. «закону Фатиха». Введённое Мурадом II право на устранение новым султаном претендентов на трон имело под собой логику, продиктованную трагическим историческим опытом — братоубийственные войны за титул султана нередко угрожали не только целостности, но и самому существованию империи на ранних этапах её существования (например, восстание Савджи-бея, сына Мурада I). Также необходимо отметить, что Канун-наме Мехмеда II (куда входил и «закон Фатиха») также имело своей целью усиление власти султана за счёт ослабления позиций анатолийских феодалов «на местах»⁸.

Нельзя игнорировать и факт наличия множество династических браков, которые укрепляли легитимность османской власти на европейских территориях, на-

⁶ Восточный аристотелизм (фелсефе) можно описать как исламскую философию Средних веков, на которую сильное влияние оказали учения Платона и Аристотеля; фактически школа фелсефе представляет собой синтез греческих и мусульманских философских идей.

⁷ Аверроэс (Ибн Рушд). Опровержение опровержения. — Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. — С. 100.

⁸ Д.Е. Еремеев, М.С. Мейер. История Турции в Средние века и Новое время. — Издательство Московского университета, 1992. — С. 74.

пример, в Валахии или Болгарии. Таким образом, концепт безопасности в восприятии первых османских султанов зиждился на трёх константах: поддержание единства населения через нивелирование национально-религиозных парадигм, поддержание сильной единоличной власти султана и легитимизация власти Османов на европейских землях через династические браки с королевскими домами Европы.

Однако с падением влияния Порты, ростом сепаратистских тенденций и увеличением влияния европейских держав представление об обеспечении безопасности государства начало меняться. Эпоха Танзимата придала политической мысли Порты модернистский характер⁹, а тесные связи Стамбула и Парижа способствовали росту влияния французской школы на оттоманских философов — идеи Шарля Монтескьё и Жака Руссо смогли войти в дискурс османской элиты того времени и привели к столкновению религиозных догматов ислама о первоочерёдности общности с идеей первичности человеческого индивида.

К середине XVIII в. на окраинах Османской империи начали появляться первые национально-освободительные движения, особенно на территориях с преимущественно христианским населением. Это свидетельствует о кризисе ранних подходов к обеспечению безопасности — последний династический брак был заключен ещё в середине XV в., а поражение под стенами Вены наглядно продемонстрировало европейским государствам, что «золотой век» Порты прошёл.

В этой связи османская политическая элита столкнулась с дилеммой «свобода/безопасность» — с одной стороны, расширение прав религиозных и национальных меньшинств помогло бы их усмирить, с другой — ослабление власти султана могло привести к кризису системы. Данная дилемма так и не была разрешена — затянувшийся процесс модернизации османского государства и общества был окончательно

остановлен зулюмом Абдул-Хамида II. Тем не менее, события данного периода заложили основу для следующего этапа эволюции концепта безопасности; согласно данному подходу, следы которого можно отследить в политическом курсе младотурецкого руководства, безопасность достигалась через единение населения государства на почве принадлежности к определённому этносу/нации.

Однако, как верно отмечают некоторые западные исследователи, османское общество начала XX в. находилось на куда более низкий ступени социального развития, чем европейское общество [Kagrat, 2002: 355]; с этим и связана его неготовность к принятию идей на национальной почве, что в итоге привело к радикализации взглядов младотурок и их повороту к идеям пантюркизма и пантуранизма. Подобная гипотеза также находит своё подтверждение в слабости двух османских парламентов и Конституции, положения которой нарочито игнорировались, поскольку вступали в противоречия с традиционными для Порты институтами султаната и халифата.

На данные процессы, происходившие на стыке веков, может смотреть как через призму гражданского конструктивизма, так и этнокультурного примордиализма. С одной стороны, политика младотурок была направлена на создание османской нации, где гражданство Порты превалирует над религиозной или этнической составляющей; фактически это может считаться нацией в современном её понимании [Хобсбаум, 1998]. С другой стороны, пантюркистские подходы второй половины 1910-ых гг. дают понимание того, что младотурки строили тюркскую, а не османскую нацию, отталкиваясь, в первую очередь, от общности языка и культуры.

Сразу после окончания войны за независимость и подписания Лозаннского мирного договора в 1923 г. Мустафа Кемаль Ататюрк предал забвению исламские столпы, на которых зиждилось общество того

⁹ Там же. С. 179.

времени — и создал свою собственную идеологию кемализма¹⁰. Тем не менее, его подход к созданию новой Турции опирался на парадигмы, сформировавшиеся во времена «большого человека Европы» и иностранной интервенции — безопасность для Ататюрка значила не только неуязвимость от внешнего воздействия и вмешательства во внутренние дела государства, но и этническую монолитность, дабы восстания национальных меньшинств (армян, курдов, греков и прочих) не представляли из себя смертельной опасности для Республики.

Центральными для новой идеологии Турции стали учения Руссо и Монтескье, работы которых он опирался подобно мыслителям и политикам эпохи Танзимата. Обращаясь к первому, Ататюрк, несмотря на модернистский характер его преобразований, опасался появления «частных волей»¹¹, которые могли бы разрушить *volonté générale*¹² турецкого народа. Под «частными волями» Руссо понимал наиболее крайние проявления частных интересов, которые в интерпретации «отца турок» приобрели значения сепаратистских тенденций, некогда погубивших Османскую империю.

Его целью можно назвать приведение населения Турции к однородному составу, где гражданство человека игнорирует его реальную этническую принадлежность. На смену младотурецкой парадигмы пантюркизма приходит идеи Ататюрка о «национализме по-французски» — «отец турок» сознательно отказывается от стремления к формированию некой «общетюркской» общности. Таким образом он стремится к формированию единой воли внутри страны и хочет избежать появления *volonté de tous*¹³ через превращение Турции в однопартийное государство.

Фактически, Ататюрк занимается политической рефлексией над понятием «турецкий народ». В этой рефлексии видны отголоски концепта *мадинат адль* — под этой справедливостью Кемаль видит предложенную Монтескье концепцию трёх ветвей власти, которую он успешно встроил в основу Республики. Можно предположить, что он считал разделение властей необходимым условием целостности турецкого государства для гарантии светского характера Турции, исторический опыт которой показал, что религия или принадлежность к определённой этносу не может выступать главным драйвером единства.

Вооружённые силы же, по задумке Ататюрка, вкуче с однопартийной системой должны были обеспечить внутриполитическую стабильность молодой Республики и предотвратить появление реакционных элементов¹⁴. Таким образом, можно утверждать о том, что безопасность воспринималась Ататюрком в её классическом понимании — в то время как Конституция обеспечивала единство нации, объявив всех граждан турками, армия выступала в качестве инструмента «силового» обеспечения безопасности.

К сожалению, после смерти Ататюрка его идеи не смогли сохраниться «в чистом виде» — учитывая, что светские (республиканские) устои идеологии кемализма существуют в Турции и по сей день, они попадали под влияние разных идей, от пантюркизма правительств первой половины 1940-ых и 1970-ых гг., а также неоосманистскую риторику Реджепа Тайипа Эрдогана и его Партии справедливости и развития (ПСР)¹⁵ с 2010-ых гг. На современном этапе можно также наблюдать то, что британский философ Эрнест Андре

¹⁰ Идеология кемализма была создана Мустафой Кемалем Ататюрком в качестве базы нового режима Турецкой Республики. Кемализм состоит из 6 стрел — народность, республиканизм, национализм, светскость, этатизм и реформизм, где ключевыми в исследуемом вопросе являются принципы народности и национализма, которые отражали единство и солидарность турецкого общества.

¹¹ Согласно Руссо, «частная воля» является составной частью *volonté de tous* («воли всех»), которая представляет собой общность интересов общества.

¹² фр. «общая воля»

¹³ фр. «воля всех»

¹⁴ Еремеев Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. — Москва: Квадрига, 2017. — С. 45.

¹⁵ Нынешняя турецкая власть выражает привязанность основам Республики де-юре, однако нельзя игнорировать факт того, что Эрдоган был связан с «Братьями-мусульманами» в Египте и Катаре, а его политическая карьера начиналась в партии Рефах (Партия благоденствия), основанной известным турецким исламистом и основателем политического ислама Неджметтином Эрбаканом, который был премьер-министром Турции в 1996–1997 гг.

Геллнер описывает как «стимулирование экономического напряжения культурными различиями» [Янченкова, 2019: 160–161]. Подобное описание как никогда верно подходит к текущей политической ситуации в Турции — «курдский вопрос», напряжённость вокруг которого снижалась в 2000-ых гг., вновь становится одним из основных катализаторов внутривосточного напряжения и роста конфликтности в пределах турецкого государства. В данном случае под «культурным различием» понимается проблема отношений между турецким и курдским этносом, где проводимая с середины 2010-ых гг. политика ПСР по противодействию «терроризму РПК¹⁶» приводит к увеличению внутривосточного напряжения. Подобное «культурное различие» отягощается фактом неустойчивого экономического положения Турецкой Республики; несмотря на сохраняющуюся привлекательность для иностранных инвесторов, галопирующая инфляция¹⁷ ставит под сомнение экономическую безопасность Турции, особенно на фоне зависимости Анкары от европейских и американских инвестиций [Левченко, 2012: 76], а также хронического дефицита бюджета¹⁸.

Теоретический аспект данной ситуации — когда экономическое напряжение осложняется национальными вопросами — можно описать как «раскол идентичности» ввиду экономических вызовов, что по итогу приводит к росту сепаратистских тенденций [Чешко, 2001]. Можно предположить, что турецкое государство на современном этапе своей истории пытается замедлить этот процесс, что видно на примере активного вмешательства Турции в «курдскую политику» других государств,

например, Сирии и Ирака, где Анкара провела несколько военных операций по борьбе с «курдским сепаратизмом».

Конечно, подобная политика, скорее всего, обусловлена стремлением политической элиты к сохранению единства государства. Тем не менее, очевидна ограниченность Турции в своих амбициях — она стремится к структурированию своей бывшей периферии для сохранения целостности, но практически не выходит за её пределы; в то же время её интересы, как политические, так и экономические, несомненно, выходят далеко за пределы Ближнего Востока. В данном случае логично предположить, что турецкой внешней политике и политике в сфере безопасности присущ «постимперский синдром», который увязывается с современной неимперской (неосманской) риторикой Анкары. Стремление нынешнего турецкого режима структурировать свою бывшую периферию (преимущественно туркоманскую¹⁹) и возврат к имперским практикам, которое опирается на националистические и пантуранистские учения Юсуфа Акчуры, Зии Гёкальпа и Исмаила Гаспринского [Аватков, Сбитнева, 2022: 293], а также религиозными взглядами Эрдогана, необходимо рассматривать как «шаг назад» в эволюции дискурса безопасности в турецкой политике.

Подводя итог, можно отметить, что теоретические аспекты концепта безопасности в турецкой политической мысли прошли длинный путь эволюции — от составной части религиозных учений, описанных в работах исламских богословов арабского и иранского происхождения, через философию восточного аристотелизма, сформированную под влиянием греческой школы,

¹⁶ сокр. Рабочая партия Курдистана — одна из политических партий, борющихся за предоставление более широких прав курдскому населению юго-востока Турции. Признана террористической в Турции, ЕС, США и ещё нескольких государствах мира.

¹⁷ Годовая инфляция в Турции в апреле достигла 69,97% // ТАСС.— 2022. — 5 мая. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/14551357>

¹⁸ Дефицит госбюджета Турции составил более \$4 млрд // ИА «Красная весна». — 2022. — 18 октября. — URL: <https://rossaprimavera.ru/news/a8862d36>

¹⁹ Понятие «туркоманы» эволюционировало на протяжении всей истории тюркских народов; на современном этапе туркоманами называют сирийских и иракских арабов, разговаривающих на турецком языке.

и модернистские подходы эпохи Танзимата и идеологии кемализма до возврата к пан-тюркистским и религиозным тенденциям на современном этапе развития Турецкой Республики. Данная эволюция происходила в силу различных причин, от религиозных до экономических, и каждый из этапов развития отражал настроения своей эпохи — от стремления к объединению уммы

и созданию справедливого государства до попытки переосмыслить подходы к отношениям с иностранными государствами на основе «западной традиции». Разумеется, наблюдаемые сейчас процессы не являются конечной точкой турецкой политической эволюции, однако они задают основу дальнейшего развития политической и философской мысли.

Список литературы:

- Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2022. — Т. 24, № 2. — С. 291-302. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>
- Геллнер Э. Нации и национализм. — Москва: Прогресс, 1991. — 320 с.
- Ермекабаев А.А. Изменение внешней политики Турции: от кемализма до неосманства (основные внутренние и внешние факторы) // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. — 2018. — Т. 90, № 2. — С. 103-109.
- Киреев Н.Г. История Турции. XX век. — Москва: ИВ РАН, 2007. — 605 с.
- Левченко А. Турция: созвездие лиры // Прямые инвестиции. — 2012. — № 12. — С. 76-79.
- Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. — 2012. — № 1. — С. 66-73.
- Надеин-Раевский В.А. Идеинная борьба и «новая Турция» // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — № 2. — С. 22-31. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-22-31>
- Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. — Москва: Праксис, 2002. — 236-263 с.
- Философский концепт "Дилеммы безопасности" в историческом контексте политических событий / В.В. Лапатын, С.Н. Шингаркина, Т.Р. Бикметов [и др.] // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. — 2022. — № 3. — С. 163-165.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. — 305 с.
- Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. — 2001. — № 2. — С. 3-17.
- Янченкова О.А. Национализм в дискурсе современной философии: анализ теоретических концепций // Гуманитарий Юга России. — 2019. — Т. 8, № 4. — С. 158-166. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.17>
- Dawn E.C. From Ottomanism to Arabism: The Origin of an Ideology // The Review of Politics. — 1961. — Vol. 23, № 3. — pp. 378-400. <https://doi:10.1017/S0034670500008792>
- Karpat K.H. Studies on Ottoman Social and Political History. — Leiden: Brill, 2002. — 856 p. <https://doi.org/10.1163/9789047400899>
- Özpek B. B., Tanriverdi Y. N. Populism and foreign policy in Turkey under the AKP rule // Turkish Studies. — 2018. — Vol. 19, № 2. — Pp. 198-216. <https://doi.org/10.1080/14683849.2017.1400912>
- Saklı A. R. Türkiye Cumhuriyeti ulus devleti ve milliyetçilik anlayışının uygunluğu sorunu // Gazi Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi. — 2011. — Vol 13, № 1. — pp. 1-22.

References:

- Avatkov, V. A. and Sbitneva, A. I. (2022) 'New Nationalism of Turkish Republic', *RUDN Journal of Political Science*, 24(2), pp. 291-302. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>

- Cheshko, S. (2001) 'Self-Determination Doctrine Crisis', *Ėtnografičeskoe obozrenie*, (2), pp. 3–17. (In Russian).
- Dawn, C. E. (1961) 'From Ottomanism to Arabism: the Origin of an Ideology', *The Review of Politics*, 23(3), pp. 378–400. <https://doi.org/10.1017/S0034670500008792>
- Hobsbawm, E. J. (1992) *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521439612> (Russ. ed.: (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda*. Saint Petersburg: Aleteiia Publ.)
- Karpat, K. H. (2002) *Studies on Ottoman Social and Political History*. Leiden: BRILL. <https://doi.org/10.1163/9789047400899>
- Kireev, N. G. (2007) *Istoriya Turtsii. XX vek [History of Türkiye. 20th century]*. Moscow: IV RAN Publ. (In Russian).
- Lapatin, V. V. et al. (2022) 'Philosophical concept of "Dilemma of security" in the historical context of political events', *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, (3), pp. 163–165. (In Russian).
- Levchenko, A. (2012) 'Turtsiia: sozvezdie liry [Türkiye: the Constellation of Lira]', *Prâmye investicii*, (12), pp. 76–79. (In Russian).
- Litvinov, E. P. (2012) 'Philosophical Foundations of the Security Concept', *Space and time*, (1), pp. 66–73. (In Russian).
- Nadein-Raevskiy, V. A. (2016) 'The Struggle of Ideas and «The New Turkey»', *MGIMO Review of International Relations*, (2), pp. 22–31. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-22-31>
- Özpek, B. B. and Tanriverdi Yaşar, N. (2018) 'Populism and foreign policy in Turkey under the AKP rule', *Turkish Studies*, 19(2), pp. 198–216. <https://doi.org/10.1080/14683849.2017.1400912>
- Smith, A. D. (1996) 'Nationalism and the Historians', in *Mapping the Nation*. London ; New York: Verso, pp. 175–197. (Russ. ed.: (2002) 'Natsionalizm i istoriki', in *Natsii i natsionalizm*. Moscow: Praxis Publ., pp. 236–263.)
- Yanchenkova, O. A. (2019) 'Nationalism in the Discourse of Modern Philosophy: Analysis of Theoretical Concepts', *Humanities of the South of Russia*, 8(4), pp. 158–166. (In Russian). <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.17>
- Yermekbayev, A. A. (2018) 'The Change in Turkey's Foreign Policy: from Kemalism to Neo-Ottomanism (The Main Internal and External Factors)', *Bulletin of the Karaganda University. History, philosophy series*, 90(2), pp. 103–109. (In Russian).

Информация об авторе

Сергей Александрович Давыдов — магистрант факультета Международных отношений МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Sergei A. Davydov — MA student of School of International Relations of MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 31.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 31.03.2023; accepted for publication 27.04.2023.